

© 2002 г. Л.П. КРЫСИН

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ
И КАЛЬКИРОВАНИЕ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ***

I

С середины 80-х годов прошлого столетия наблюдается заметная интенсификация процесса заимствования и активизация употребления в речи ранее заимствованных слов и терминов. Этот процесс был неоднократно (и продолжает оставаться) объектом внимания в работах русистов (см., например [Брейтер 1997; Костомаров 1996; Феоклистова 1999] и др.), в том числе и в моих собственных [Крысин 1995; 1996].

Не повторяя содержания уже опубликованных работ, хочу все же кратко сформулировать причины и условия интенсификации процесса заимствования и подчеркнуть некоторые характерные его черты на современном этапе развития русского языка.

Прежде всего надо заметить, что внешнее влияние на язык почти никогда не оставляет общество равнодушным и нередко воспринимается носителями языка-реципиента (во всяком случае, частью из них) болезненно и нервно. Иноязычное слово может ассоциироваться с чем-то идеологически, духовно или культурно чуждым, даже враждебным и уж несомненно засоряющим язык, – как это было, например, в конце 40-х годов XX века во время борьбы с "низкопоклонством перед Западом" (подробнее об этом см. [Крысин 1968: 138–141]). Но бывают в истории общества и другие времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать 80–90-е годы XX столетия, когда возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

Вот некоторые из этих условий: осознание значительной частью населения России своей страны как части цивилизованного мира; преобладание в идеологии и официальной пропаганде объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки и др. Все эти процессы и тенденции, характерные для русского общества второй половины 80-х – начала 90-х годов, несомненно, послужили важным стимулом, который облегчил активизацию употребления иноязычной лексики.

* Статья написана в рамках проекта "Русский язык на рубеже веков: активные процессы", получившего финансовую поддержку Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 01-06-80234). В основу статьи лег доклад, прочитанный автором на заседании ученого совета Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН 18 июня 2002 г.

Это легко проиллюстрировать сменой названий в структурах власти. В начале 90-х годов Верховный совет стал устойчиво (а не только в качестве журналистской перифразы) именоваться *парламентом*, совет министров – *кабинетом министров*, его председатель – *премьер-министром* (или просто *премьером*), а его заместители – *вице-преьерами*. В городах появились *мэры*, *вице-мэры*, *префекты*, *супрефекты*. Советы уступили место *администрациям*. Главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями* и *пресс-атташе*, которые регулярно выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, организуют *брифинги* и *эксклюзивные интервью* своих *шефов*...

Распад Советского Союза означал, в частности, и разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Активизировались деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории России совместных – русско-иностранных – предприятий. Очевидным образом это означало интенсификацию **общения** носителей русского языка с людьми, которые пользуются другими языками, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным (а чаще – созданным на базе английского языка) терминологическим системам – например, в таких областях, как вычислительная техника, экономика, финансы, коммерция, спорт, мода, журналистика и др.

Так в русской речи, сначала в профессиональной среде, а затем и за ее пределами, появились термины, относящиеся к компьютерной технике: само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер*, *сайт*, *чат* и мн. др., названия видов спорта (новых или по-новому именуемых): *виндсёрфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл*, *дайвинг* (подводное плавание с аквалангом) и др. Англицизмы пробивают брешь и в старых системах наименований: так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей все чаще именуется *овертайм*, игра, в результате которой команда, потерпевшая поражение, выбывает из дальнейших соревнований, – *плей-офф*, и даже традиционное *боец* в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*.

У всех на слуху многочисленные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инвестиция*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты* и т.п. Многие из них заимствованы давно, но были в ходу преимущественно среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становятся остро актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходит за пределы профессиональной среды и начинает употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики происходит и в менее специализированных областях человеческой деятельности. Достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *имидж*, *презентация*, *номинация*, *спонсор*, *видео*, *шоу* (и их производные: *видеоклип*, *видеотехника*, *видеокассета*, *видеосалон*; *шоу-бизнес*, *ток-шоу*, *шоумен*), *триллер*, *хит*, *дискотека*, *диск-жокей* и множество других.

Среди причин, которые способствуют столь массовому и относительно легкому проникновению иноязычных неологизмов в наш язык, определенное место занимают причины социально-психологические. Многие носители языка считают иностранное слово более **п р е с т и ж н ы м** по сравнению с соответствующим словом родного языка: *презентация* выглядит более респектабельно, чем привычное русское *представление*, *эксклюзивный* – лучше, чем *исключительный*, *топ-модели* – шикарнее, чем *лучшие* модели, хотя, надо сказать, здесь намечается некоторое смысловое размежевание "своего" и "чужого" слов: *презентация* – это **т о р ж е с т в е н н о е** пред-

ставление фильма, книги и т.п.; *эксклюзивным* чаще всего бывает *интервью* или *право* на что-либо, хотя наблюдается и расширение лексической сочетаемости подобных слов.

Ощущаемый многими большой социальный престиж иноязычного слова, по сравнению с исконным, иногда вызывает явление, которое может быть названо **повышение в ранге**: слово, которое в языке-источнике именуется обычным, "рядовой" объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному. Так, во французском языке слово *boutique* значит 'лавочка, небольшой магазин', а будучи заимствовано (возможно, через посредство английского) нашими модельерами и коммерсантами, оно приобретает значение 'магазин модной одежды': *Одежда от Юдашкина продается в бутиках Москвы и Петербурга*. Примерно то же происходит с английским словом *shop*: в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства (обычный продмаг никто *шопом* не назовет). Английское *hospice* 'приют, богадельня' превращается в *хоспис* – дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфорта, облегчающего процесс умирания. И даже итальянское *puttana*, оказавшись в русском языке, обозначает не всякую проститутку (как в итальянском), а главным образом валютную.

При выявлении причин лексического заимствования и активного использования в русской речи тех или иных иноязычных слов нельзя сбрасывать со счетов и фактор **моды**. То или иное слово нередко становится модным, часто и навязчиво употребляемым (как это было, например, со словом *консенсус* в начале 90-х годов). Определенные события международного характера могут стимулировать употребление какого-либо слова или группы слов. Так, например, во время розыгрыша кубка мира по футболу летом 2002 года наблюдался всплеск употребительности иноязычного неологизма-существительного *мондиаль* (ср. англ. *mondial* и франц. *mondiale* – то и другое в значении 'мировой, всемирный') – с неустойчивой родовой отнесенностью и расхождениями в фонетико-орфографическом облике: ср. *предыдущая мондиаль* (ТВ. 16 июня 2002) – *...официальный мяч мондиалья-2002* (МК. 17 июня 2002). В это же время на страницах газет, в особенности спортивных, о футболистах Бразилии, которые становились чемпионами мира четыре раза, писали как о *тетракампеонах* (слово заимствовано, по-видимому, из португальского, где оно восходит к греч. *tetra* 'четыре' и порт. *campeon* 'чемпион'); ср. в интервью с бывшим спартаковцем Ю. Севидовым: "Проще говоря, *тетракампеоны* выступили в роли учителей одной из лучших команд Европы, которой смело можно назвать сборную с Туманного Альбиона" – и дальше, в реплике журналиста-интервьюера: "Похоже, вы выводите *тетракампеонов* в фавориты" (Новая газета. 2002. № 44).

В самом процессе лексического заимствования следует отметить тенденцию к интернационализации как словаря, так и способов образования слов. Расширение интернационального лексического фонда идет путем заимствования иноязычной лексики и создания новых слов на основе интернациональных морфем. Интернационализация лексики различных языков достигла сейчас такого уровня, при котором многие слова, а также корневые и аффиксальные морфемы оказываются общими для разных языковых систем. По происхождению они либо восходят к греческому и латинскому источникам (ср. *анти-*, *-ация*, *видео-*, *космо-*, *-метр*, *супер-* и др.), либо являются заимствованиями из современных живых языков, преимущественно из английского: ср. *тайм-*, *шоу-*, *-инг*, *-мен*, *секс-*, *-гейт* (*уотергейт*, *ирангейт*, *кремльгейт* и под.), *-мейкер* (*имиджмейкер*, *клипмейкер*, *нюсмейкер* и под.) и др. Интернационализируется не только словарный состав, но и способы объединения морфем в цельнооформленное слово: ср., например, вполне сопоставимую активность именных суффиксов *-or/-er* в английском и *-(m)opl/-(m)ep* в русском, глагольных *-ieren*,

-isieren в немецком и -ировать, -изировать в русском, суффиксов прилагательных -able в английском и французском и -абельн(ый) в русском.

В связи с увеличением числа новых заимствований усложняются семантические отношения между близкими по значению исконными (или ранее заимствованными) и новыми иноязычными лексемами. В частности, весьма характерны специализирующие, уточняющие номинации: *римейк* в значении 'переделка' (термин кино), *менеджер – спонсор – продюсер – промоутер; магазин – лавка – шоп* (= торгует в основном заграничными товарами) – *бутик* ('магазин модной одежды'); *запись* (звука, музыки, речи) – *фонограмма* (главным образом, на эстраде) – *саундтрек* (в кино); *ярлык – этикетка – лейбл – бренд* и т.п. Происходит дифференциация значений иноязычного и исконного или ранее заимствованного, распределение членов таких рядов по сферам деятельности или сферам общения: *дорога – шоссе* ('дорога с твердым покрытием') – *автострада* ('дорога с твердым покрытием без поперечных наземных переездов и переходов') – *автобан* ('дорога с твердым покрытием без поперечных наземных переездов и переходов для скоростного движения автомобилей') – *хайвей* ('дорога с твердым покрытием без поперечных наземных переездов и переходов для скоростного одностороннего движения автомобилей'); *убийца – киллер* (профессиональный убийца); *профессионал – профи* (только в спорте), *фанатик – фанат* (в футболе) – *фан* (преимущественно в музыкальной жизни); *лицо – фейс* (шутливо, в определенных контекстах – ср. молодежные обороты типа *фейсом не вышел, фейсом об тейбл*) и т.п.

Наплыв иноязычной лексики в русский язык, естественно, должен получить (и получает) нормативную оценку: не вредит ли такое обилие "чужой" лексики самобытности языка? насколько уместны те или иные слова и термины в определенных условиях речевой коммуникации? насколько "законны" требования подыскивать русские синонимы к иностранным словам (не нарушается ли тем самым естественный ход языковой эволюции)? и т.д. Однако все эти вопросы – предмет специального рассмотрения, и в данной статье они не обсуждаются. Впрочем, от негативной оценки одного из наблюдаемых сейчас явлений в области иноязычного заимствования не могу удержаться: я имею в виду употребление некоторыми группами говорящих – в основном, представителями молодежи – английских по происхождению междометий: *вау, опс* и под. Как кажется, разного рода "коммуникативная мелочь" – союзы, частицы, предикативные наречия и в особенности междометия – составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускают в свой круг "чужаков", поэтому иноязычные междометия, по-видимому, не имеют шансов закрепиться в общем употреблении¹.

II

При изучении иноязычного влияния на русский язык теме "кальки" и процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям. Этому есть по крайней мере два объяснения: во-первых, калек в языке (не только современном, но и, например, русском языке XIX века) несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с

¹ Ср. противоположное мнение, высказанное одним из рецензентов словаря [Крысин 1998]: упрекая составителя словаря в том, что он не включил в словник «такие частотные в современном русском речевом обиходе междометия, которые явно пришлись по вкусу, – *вау* (англ. *wow* – первоначально: возглас восхищения в театре), *опс* = *упс* (англ. *oops* = *hoop* = *whoop*), *бла-бла-бла* (англ. *bla-bla-bla*), *шит* (англ. *shit* "дерьмо")» – рецензент полагает, что «данные междометия прочно и надолго "обосновались" в русском языке» [Зеленин 2002: 139].

его собственными закономерностями развития. Например, часто обсуждаемый сейчас русистами жаргонизм *крутой, круто* (*крутой парень, это круто!*) обычно квалифицируется как калька английских *cool* или *tough* (см., например [Крысин 1996: 161; Ермакова, Земская, Розина 1999: 87]). Но что мешает нам считать это значение слов *крутой, круто* результатом саморазвития их семантики? Ср. сочетания типа *крутые меры, крутой характер* и т.п.: от того значения слова *крутой*, которое реализуется в подобных сочетаниях (оно формулируется в [СОШ–1997] как ‘суровый, строгий’), – один и вполне органичный шаг к значению, которое в этом же словаре толкуется – впрочем, не совсем точно – как ‘решительный и быстрый, а также вообще оставляющий сильное впечатление’. Выражение *зелёный свет* в контекстах типа *дать зелёный свет каким-либо начинаниям, новшествам* в точности соответствует переносному значению английского оборота *green light*. Стало быть, это калька? Но вполне возможно, что это – перенос значения “внутри” русского языка: от прямого, “автодорожного” значения словосочетания *зелёный свет* – к переносному.

Однако во многих случаях, как кажется, кальки все же поддаются идентификации – как по чисто лингвистическим, так и по эстралингвистическим основаниям. Тем самым задача выявления и изучения калькированных языковых единиц остается не только актуальной, но и вполне решаемой.

Каковы же эти основания?

Во-первых, кальки отличаются тем, что в них реализуются какие-то нехарактерные, неорганичные для данного языка черты – либо в формальной, либо в содержательной стороне слова, словосочетания. Например, для русского словообразования конца XIX – начала XX в. было вполне нормально соединение приставки *сверх-* с прилагательными (*сверхъестественный, сверхскоростной* и т.п.) и нехарактерно соединение с существительными, как это имеет место в кальке *сверхчеловек* – с нем. *Übermensch*. В сочетании *синий чулок*, которое является калькой с английского оборота *bluestocking*, употребление прилагательного *синий* никак не мотивировано ни прямым, ни переносными значениями этого прилагательного.

Во-вторых, при определении кальки важно обращение к внеязыковой действительности: если само обозначаемое данным словом или словосочетанием явление пришло к нам извне, то можно с большой вероятностью предположить, что и его наименование – либо “материальная” иноязычная единица (то есть лексическое или фразеологическое заимствование), либо калька. Например, словосочетание *сезонный билет* – скорее всего, калька, поскольку эта реалья была заимствована нами из стран Западной Европы, и ее название в точности соответствует английскому обороту *season ticket* (по-русски то же самое обозначается как *месячный билет* или *проездной билет*). Слово *самообслуживание* (в словосочетании *магазин самообслуживания*) следует считать словообразовательной калькой английского *selfservice*, так как сама реалья – магазины самообслуживания – была заимствована нами, по-видимому, или непосредственно из США, или из стран европейского Запада (где она тоже – из США).

Если сравнивать современный этап развития русского языка с предшествующими этапами, то надо отметить различие в типах калек. В XIX – начале XX в. преобладали кальки словообразовательные типа: *сверхчеловек* (нем. *Übermensch*), *себестоимость* (нем. *Selbstkosten*), *скоросшиватель* (нем. *Schnellhefter*), *работодатель* (нем. *Arbeitsgeber*), *небоскрёб* (англ. *skyscraper*) и т.п. (см. об этом: [Флекенштейн 1963; Грановская 1981: 226 и сл.]); основным их источником был немецкий язык. Отмечены также сравнительно немногочисленные семантические кальки – типа *гвоздь* (в сочетаниях *гвоздь выставки, гвоздь театрального сезона* и под. – под влиянием французского *clou*), *платформа* ‘программа, совокупность принципов политической партии’ – под влиянием нем. *Plathform* в том же значении, и нек. др. [Грановская 1981: 294–295].

В русском языке наших дней преобладают кальки семантические и сочетаемостные, а главным их источником является английский язык (преимущественно в его американском варианте). При этом основными сферами появления калек являются сферы дипломатии, политики, спорта, моды и нек. др., а распространяют их, внедряют в широкое употребление средства массовой информации.

Приведем примеры калек, появившихся в последние два-три десятилетия.

Семантические кальки:

- **высокий** в знач. 'лучший, элитный' (ср. франц. *haut*) – первоначально только в сочетании *высокая мода* (франц. *haute couture*), а затем появляются другие сочетания со словом *высокий* в этом значении: *высокие технологии* (ср. англ. *high technology*) и даже *высокая стоматология* (в тексте рекламы);
- **теневой** в значении 'незаконный', а также 'не стоящий у власти'²: *теневая экономика, теневой бизнес, теневой кабинет (министров)* (< англ. *shadow economy, shadow business, shadow cabinet*);
- **формат** в знач. 'характер, вид, форма' (*Встреча прошла в обновленном формате; Новый формат передачи телевизионных новостей*) – под влиянием англ. *format* в том же значении (в русских словарях слово *формат* толкуется только как 'размер печатного издания, тетради, листа' – см., напр. [СОШ–1997]);
- **конференция** в знач. 'спортивный союз, спортивная ассоциация' (*Хоккейная команда из западной конференции*) – под влиянием англ. *conference*, которое в американском варианте английского языка имеет именно такое значение (наряду с другими). Возможно иноязычное влияние также в возникновении спортивного термина *легионер* 'игрок в составе футбольной, хоккейной и т.п. команды, приглашенный из команды другой страны' – по-видимому, как "незаконное" производное от *league* 'лига' (поскольку в словах *лига* и *легионер* – этимологически, семантически и фонетически разные корни), но возникло это производное значение у русского слова *легионер*, а не у англ. *legionary*, которое таким значением не обладает;
- **ястреб** в знач. 'сторонник жёсткой, обычно реакционной политики' – под влиянием этого же значения у англ. *hawk*; у русского слова *ястреб* в его прямом значении отсутствуют коннотации, на основании которых могло бы возникнуть это переносное значение (ср. наличие отрицательной коннотации у слова той же тематической группы *стервятник*);
- **монстр** наряду с традиционным отрицательно-оценочным значением 'чудовище, урод' (в этом значении слово заимствовано из французского языка) приобрело значение положительно-оценочное 'нечто чрезвычайно значительное, выдающееся' (напр., *монстры кинобизнеса*), уже зафиксированное в словарях (см. [Крысин 1998]), – несомненное влияние семантики английского слова *monster*;
- **продвинутый** в значении 'находящийся на более высоком уровне, чем раньше; более совершенный' (*продвинутый этап работы, продвинутый курс обучения*) – калька с англ. *advanced*;
- по-видимому, под влиянием английского языка появился некий семантический сдвиг у глагола *шокировать*, которое было заимствовано в XIX в. из французского языка и традиционно употребляется в значении 'приводить (привести) в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм' [СОШ–1997]; теперь же нередко этот глагол употребляется как синоним глаголов *поражать, потрясать* (ср. соответствующее значение у англ. глагола *to shock*, также, по-видимому, заимствованного из французского);

² Здесь и далее при толковании значений английских прототипов используются данные "Нового большого англо-русского словаря" [НБАРС] и "Англо-русского словаря американского сленга" [АРСАС].

- *зелёные* – о долларах (ср. англ. жаргонное *green* в этом же значении); впрочем, возможен и самостоятельный метафорический перенос значения у прилагательного *зеленый* – по цвету американских долларов; ср. основанную на том же признаке жаргонную метафору *капуста* – ‘деньги’, первоначально об американских долларах.

Сочетаемость кальки:

- *горячая линия* (в системах связи; калька с англ. *hot line*);
- *горячая точка* (о территории, где ведутся военные действия; калька с англ. *hot spot*);
- *утечка мозгов* (< англ. *brain drain*);
- *промывание мозгов* (< англ. *brainwashing*);
- *отмывать деньги* (< англ. *to launder money*)³;
- *шоковая терапия* (< англ. *shock therapy*);
- более ранние: *холодная война* (< англ. *cold war*), *денежный мешок* (< англ. *moneybag*), *делать деньги* (< англ. *to make money*), *заниматься любовью* (< англ. *to make love*)⁴ и т.п. (см. работу [Феоклистова 1999], где дан перечень и классификация лексико-фразеологических калек с английского, появившихся в последние десятилетия XX века).

Можно отметить также иноязычное (английское) влияние в употреблении форм множественного числа от некоторых существительных, которые традиционно употреблялись в единственном числе: *вооружения* (*гонка вооружений* – ср. англ. *arms race*), *мирные инициативы* (ср. англ. *peace initiatives*) и нек. др.

Некоторые группы лексики особенно активны в формировании устойчивых сочетаний, которые по происхождению являются калками. Одна из таких групп – прилагательные со значением цвета.

Почти все прилагательные цвета имеют переносные значения, и часть этих значений – результат иноязычного влияния. Так, словосочетание *черный рынок* – калька с немецкого *Schwarzmarkt*; *черный список*, *черный шар* (при голосовании)⁵, *черный юмор* – кальки с англ. *black list*, *black ball*, *black humour* (впрочем, в последнем случае возможно также влияние французского оборота *humour noir*). Ныне устаревший газетный штамп *черное золото* (= нефть) – тоже, скорее всего, журналистская калька с английского *black gold*. Устойчивые сочетания *белая книга* и *красная книга* – кальки соответственно английских оборотов *white book*, *red book* (откуда пришли и обозначаемые этими оборотами реалии). Словосочетанию *желтая пресса* соответствует английское *yellow press*, словосочетание *серый кардинал* – калька с англ. *grey eminence*; это же определение фигурирует в более специфическом и не часто употребляемом словосочетании *серый импорт* в значении ‘полулегальный импорт’ (ср. англ. *grey import*).

Весьма продуктивное при образовании словосочетаний с переносным смыслом английское прилагательное *blue* послужило основой для калек *голубая кровь*, *синий чулок* (ср. англ. *blue blood*, *bluestocking*). Однако другим сочетаниям с этим прилагательным в русском языке соответствуют словосочетания с прилагательным *белый*

³ Буквально: с т и р а т ь деньги; по одной из версий, в американском английском это выражение возникло потому, что деньги, полученные незаконным путем, в США впервые начали легализовать через систему прачечных.

⁴ Ср. эмоциональную оценку этого словосочетания носителем русского языка: «...глухие к языку "озвучиватели" сериалов стали вколачивать кальку с английского "пойдем займемся любовью", что для русской речи абсолютно невозможно. Любовь чувствуют, переживают, но ею нельзя заниматься» (А. Минкин. Звезды дяди Вани. – МК. 22 марта 2002).

⁵ Когда такая демократическая процедура, как голосование, получила распространение и в России, никаких ш а р о в как инструментов голосования не было – голосовали бюллетенями.

(напр., английскому *blue bear* соответствует русское *белый медведь*, *blue ticket* – *белый билет*, *blue devils* – *белая горячка*).

Таковы некоторые наблюдения над кальками последних десятилетий. Естественно, эти наблюдения будут продолжены в рамках коллективной работы "Русский язык на рубеже веков: активные процессы".

В заключение следует сказать, что иноязычное влияние на русский язык в изучаемый период более многообразно и интенсивно, чем в предшествующие десятилетия XX века. Оно требует углубленного и детального изучения, учитывающего как сравнительно легко обнаруживаемые лексические заимствования, так и разные формы скрытого влияния других языков на русский – не только в лексике, но и, например, в словообразовании, синтаксисе, в просодическом рисунке высказываний и в их коммуникативной организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АРСАС – Англо-русский словарь американского сленга / Перевод и составление Т. Ротенберг и В. Иванова. М., 1994.
- Брейтер М.А.* 1997 – Англицизмы в русском языке. М., 1997.
- Грановская Л.М.* 1981 – Развитие лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX – начале XX века // Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. М., 1981.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.* 1999 – Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- Зеленин А.В.* 2002 – ВЯ. 2002. № 1 – Рец.: Л.П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов.
- Костомаров В.Г.* 1996 – Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. 1996. № 2.
- Крысин Л.П.* 1968 – Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- Крысин Л.П.* 1995 – Языковое заимствование: взаимодействие внутренних и внешних факторов (на материале русского языка современности) // Русистика сегодня. 1995. № 1.
- Крысин Л.П.* 1996 – Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.
- Крысин Л.П.* 1998 – Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
- НБАРС – Новый большой англо-русский словарь. Т. 1 / Под общим руководством Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. Тт. 2–3 / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 1993–1994.
- СОШ–1997 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Феоκлистова В.М.* 1999 – Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70–90-х гг. XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999.
- Флехенштейн К.Ф.* 1963 – Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.